

Р.Р. ВАХИТОВ

ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН: АЗИЙСКИЙ ЕВРАЗИЕЦ

Мақалада қалмақ халқынан шыққан ірі тұлға, тарихшы-публицист Эренжен Хара-Даванның шығыс халықтарының, әсіресе көшпелі халықтардың мүддесі жайлы еуразиялық идеясы аясында XX ғасырдың алғашқы жартысында айтқан көзқарастары сараланады.

В статье трактуются взгляды крупного деятеля калмыцкого народа, историка-публициста Эренжена Хара-Давана о евразийской идее, интересах восточных народов, особенно кочевников, высказанные в начале XX века.

The article interprets the opinions of an outstanding figure of the Kalmyk nation, historian-publicist Erenzhen Hara-Davan concerning the Jewish idea, the interests of Eastern peoples, especially nomads suggested in the beginning of the XXth century.

Эренжен Хара-Даван – один из выдающихся калмыцких публицистов, историков, политических деятелей первой половины XX века. В эмиграции он был участником евразийского движения, которое представляло собой одно из первых направлений в русской мысли, радикально разорвавших с европоцентризмом и обратившихся к культурам народов Востока и особенно к кочевым культурам. Его наследие сегодня возвращается к нам, но и в среде ученых, не говоря уже о широкой общественности, нет цельного представления об историческом и научном значении Хара-Давана и его трудов. В данной статье мы пытаемся восполнить этот пробел.

Эренжен Хара-Даван (Эренжен Даваевич Даваев) родился в 1883 году в Малодербетовском улусе Калмыкии, в семье батрака [1]. Его отца звали Дава Аршиев, за смуглость кожи он получил прозвище «Хара» («черный»), отсюда и фамилия сына – Хара-Даван (так он стал подписываться, став

студентом, до 1908 года в его документах значилось «Эренжен Даваев»). Общественный фонд, созданный для поддержки детей бедняков-калмыков, оплатил учебу маленького Эренжена в улусной школе (так как его семья не имела средств). Одаренный ученик был направлен после школы в Астраханскую гимназию. В годы учебы в гимназии Хара-Даван познакомился с русским востоковедом А.Рудневым, который собирал калмыцкие песни. Под его влиянием сам стал интересоваться фольклором калмыков и собирать песни, сборник которых подарил Рудневу, когда по окончании гимназии в 1906 году приехал в Санкт-Петербург. Хара-Даван учился сначала в Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии (обучение оплатил отец его друга, богатый скотовод-калмык Дорджи Балзанов). В Петербурге он сближается с другими студентами-калмыками; а их помимо него училось в Петербурге всего четыре человека; трое – Бадма Уланов, Санджи Баянов, Дорджи Манджиев – на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и один – Ноха Очиров – на востоковедческом. Они встречаются с либеральными профессорами-востоковедами, которые видят в них зародыш национальной калмыцкой интеллигенции и всячески им покровительствуют. Студенты-калмыки пытаются литературно переложить народный эпос «Джангар» (который был записан Нохой Очировым), спорят о политике, просвещении калмыцкого народа [2]. В этот период формируются политические взгляды Хара-Давана, он становится национал-демократом, ориентирующимся на партию кадетов. Как он объяснял потом свой выбор, его, как и других «инородцев», привлекли у кадетов осуждение русификаторской политики правительства и лозунги национальной автономии для некоторых нерусских народов. Впоследствии с Бадма Улановым они создают калмыцкую национальную организацию «Знамя калмыцкого народа» («Хальмг тангачин туг») – секцию Всероссийского союза учителей.

Проучившись четыре года в академии, Хара-Даван написал заявление с просьбой о переводе на медицинский факультет Юрьевского (Дерптского) университета, в связи с вредом для его здоровья петербургского климата. В 1910 году он переводится из Дерпта на медицинский факультет Казанского университета (где обязанности оплачивать его учебу взяло на себя государство; в связи с этим Хара-Давана называли «стипендиат калмыцкого народа») [3]. После получения в Казани диплома врача и степени доктора медицины (в дальнейшем все свои произведения он подписывал доктор Э.Хара-Даван,

в связи с этим некоторые современные биографы ошибочно называют его «доктором исторических наук»), он вернулся на малую родину и занимался врачебной деятельностью в Малодербетовском и Малычском улусах. Надо заметить, что врач-калмык тогда не просто был редкостью, Хара-Даван был первым калмыком, который получил высшее медицинское образование. Это не только привлекало к нему интерес, но и давало ему преимущество: он знал калмыцкий язык и мог свободно общаться с пациентами. Работал самоотверженно: в 1911–1912 годах в Калмыкии разразилась эпидемия холеры и чумы, и он участвовал в борьбе с нею.

После февральской революции 1917 года Хара-Даван активно занимается политикой, участвует в съездах калмыцкого народа, работе новых органов власти, пропагандирует идею автономии калмыков в составе новой демократической России. Убедившись, что Временное правительство не собирается предоставлять калмыкам автономию, примкнул к большевикам. После Октябрьской революции был делегирован Советом депутатов Малодербетовского улуса на съезд «трудового калмыцкого народа Прикаспийского края». Весной 1918 года возглавил Калмыцкую секцию исполкома Астраханского губернского совета. Однако вскоре наметились и разногласия с большевиками. Хара-Даван выступил против экспроприации скота у зажиточных калмыков и против социализации земли калмыков, что вызвало неудовольствие новой власти. Когда же выяснилось, что губисполком не торопится выполнять обещание дать автономию калмыкам, порывает с Советской властью и вступает в армию Деникина. Вместе с белыми он воюет, затем отступает до Крыма, а оттуда эмигрирует сначала в Турцию, а потом в Европу.

В эмиграции Э.Хара-Даван обосновался в Праге, где вел активную научную, публицистическую и общественную деятельность. В Праге оказалось некоторое количество представителей калмыцкой интеллигенции и простых калмыков – бывших участников белого движения, примерно – около 50 человек [4]. Они составили небольшую, но сплоченную общину. Многие калмыки бедствовали, не могли найти работу и пропитание, не зная ни чешского, ни русского языков. По инициативе Б. Уланова была создана комиссия калмыцких культурных работников (КККР), которая объявила своей целью не только поддержку калмыков за рубежом, но и развитие калмыцкой культуры в условиях свободы от большевистской цензуры. Ко-

миссия получила финансирование от правительства Чехословакии в рамках знаменитой «русской акции» Массарика. При поддержке чехословацкого правительства калмыцкая молодежь получила возможность учиться в вузах. Был создан пансион, в котором могли жить и получать пропитание нуждающиеся калмыки. Комиссия издавала русскую классику на калмыцком языке, учебную литературу, в частности, учебники калмыцкого, выпускала ряд журналов на калмыцком и русском языках, в которых печатались материалы по истории калмыцкого народа, истории гражданской войны, фольклору калмыков («Ойрат», «Улан Залат», «Хонхо»). Хара-Даван принимал активное участие в работе комиссии. Журнал «Ойрат» был организован студентами-калмыками под непосредственным руководством Хара-Давана и на его личные денежные средства[5]. Пражская КККР сотрудничала с общиной калмыков в Париже, где выходил самый известный калмыцкий эмигрантский журнал – «Ковыльные волны» и с белградской диаспорой. В изданиях калмыцкой диаспоры Э. Хара-Даван раскрывается как публицист, специализирующийся на национальной тематике (там были опубликованы такие его статьи, как «К вопросу о национальном объединении»//Ойрат; «Пути решения национальной проблемы»//Улан Залат №3).

Хара-Даван, в отличие от других представителей калмыцкой интеллигенции (прежде всего, кругов национал-демократической организации «Хальмг тангачин туг», у истоков которой, вспомним, он некогда стоял) не был настроен к Советской власти враждебно. Он приветствовал создание Калмыцкого автономного округа в СССР, мероприятия по культурной революции среди калмыков. В 1920-х годах даже пытался вести переговоры с руководством Калмыцкого автономного округа о возможности вернуться в СССР и включиться в жизнь Советской Калмыкии, но затем отказался от этой мысли. Вероятно, сыграло свою роль и то, что Хара-Даван при всех своих просоветских настроениях так и не стал марксистом и оставался глубоко верующим буддистом-ламаистом (кроме того, вскоре выяснилось, что некоторые решившиеся вернуться калмыки-эмигранты были расстреляны в СССР по обвинению в шпионаже).

В 1922 году вышла в свет книга монголоведа Владимирцева «Чингисхан», которая не только привлекла внимание Хара-Давана, но и вдохновила его на исследования в области истории монгол (которые потом и прославят его имя). В это же время он начинает интересоваться трудами евразийцев

(Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского), в которых впервые предлагалось понимание России не как европейской, а как евразийской державы и отмечалось культурное влияние на Россию и русских народов Турана и в том числе монгол. Хара-Даван их внимательно штудировал (впоследствии в трудах Хара-Давана будут обильно цитироваться работы теоретиков евразийства). Особенно сильное впечатление на него произвели книги кн. Трубецкого. Хара-Даван признавался, что после прочтения его «Европы и человечества» он избавился от гипноза европоцентризма (сыграло свою роль и чтение Шпенглера).

К его счастью, познакомиться с самими евразийцами было легко. Один из лидеров и идейных вождей евразийства П.Н.Савицкий также жил в Праге (где он оказался также по «русской акции» Массарика). В Праге же жил и историк Г.В. Вернадский, который разрабатывал евразийскую концепцию русской истории и писал об относительно положительном значении вхождения Руси в государство Чингизидов [6]. Кроме того, Вернадский участвовал в «Кондаковской семинарии» (затем кондаковском институте) – объединении русских историков, оказавшихся в эмиграции, а среди этих историков было немало тех, кто профессионально занимался историей кочевников (в частности, Н. Толль, автор брошюры о скифах и гуннах). Все это предопределило сближение Хара-Давана с евразийцами.

Нам неизвестно, когда Хара-Даван познакомился с Савицким лично. Первая его публикация в «Евразийских изданиях» появилась достаточно поздно (Э.Хара-Даван. Евразийство с точки зрения монгола//Евразийская хроника. Выпуск 10. Париж 1928). Но, безусловно, ей предшествовало некоторое общение с Савицким, который всегда проявлял живой интерес к людям, неравнодушным к евразийству (кроме того, сыграла свою роль и национальность Хара-Давана: евразийцев давно упрекали, что они прославляют Туран и Чингисхана, а в их рядах одни русские и украинцы, их не мог не подкупить интерес к евразийству степняка-калмыка). Хара-Даван же не просто высоко ценил исторические труды евразийцев, он вскоре объявил и о своем согласии с политической программой евразийского движения. В ней его привлекло признание принципа федерализма, автономности жизни нерусских народов в составе России. Начав свой путь как национал-демократ и пройдя через национал-коммунизм, Хара-Даван в конце концов пришел к евразийству.

В 1927 году, в год 700-летней годовщины смерти Чингисхана, Хара-

Даван решает, что набрано уже достаточно материала, чтоб начать писать книгу о великом полководце. Параллельно с книгой он пишет доклад на ту же тему, где кратко изложены основные тезисы книги. С данным докладом он выступил в 1928 году в Белградском университете [7]. В следующем 1929 году Хара-Даван переезжает в Белград. Есть сведения, что он там преподает в Белградском университете, но они непроверенные. В 1929 году он выпустил в Белграде за свой счет главный труд своей жизни – книгу «Чингисхан как полководец и его наследие». Книга эта была многократно переиздана уже после смерти Хара-Давана и отношение к ней диаметрально противоположное. Одни, например, Д.Тараторин, объявляют ее гениальным историческим трудом, другие, как С.Земляной, вовсе отказывают ей в оригинальности и научном значении и объявляют лишь фактом этнического самосознания Хара-Давана, упирая на то, что книга компилятивна – военный раздел, по признанию автора, написан английским специалистом по военному делу, основные идеи принадлежат евразийцам [8]. Истина, как всегда, посередине. Хара-Даван не был профессиональным историком с соответствующим образованием, напомним, он был врач по специальности. В книге он не скрывает того, что исходит из концепции Трубецкого и Савицкого и обильно цитирует их, особенно первого. Действительно, раздел, посвященный военному делу монгол, компилятивен, как говорилось, этого он и не скрывал. В то же время, в книге есть интересные материалы, собранные автором в библиотеках, удачные обобщения и оригинальные выводы, а главное, это был действительно взгляд с Востока, точка зрения человека, который сам имеет опыт кочевой жизни. Книга выдержала научное рецензирование – ее прочитал видный монголовед В.Котвич. Она не прошла незамеченной для профессиональных историков, на нее неоднократно ссылается Г.В.Вернадский в фундаментальной монографии «Монголы и Русь». По сообщению С. Лаврова, уже в 1960-х, в Америке Г.В.Вернадский замечал, что из монографий о Чингисхане может выделить лишь книгу Хара-Давана [9]. Автор высылал эту книгу такому тонкому знатоку Востока, как Н.К.Рерих, который также высоко отозвался о ней: «В свое время я был рад получить книгу доктора Хара-Давана о Чингисхане. Автор сам принадлежит к народам Востока и потому его проникновенные оценки еще более убедительны. Он знает, о чем говорит» [10]. Хара-Даван как историк явно заинтересовал Рериха. В 1953 г. в письме к Г.В.Вернадскому в США Рерих

спрашивает: «Не знаете ли, что случилось с доктором Хара-Даваном?» – и ссылается на его книгу [11].

Хара-Даван продолжает также писать статьи и печатает их в евразийских изданиях (в 1931 году выходит его статья «О кочевом быте» в сборнике «Тридцатые годы»), а также в других изданиях русской диаспоры (в 1932 году в парижском сборнике «Утверждения» вышла его малоизвестная статья «Национальный вопрос», в 1933 в издании «Вольное казачество» (№128) статья «История национального вопроса»). В его статьях чувствуется его медицинское образование, так, он много пишет о здоровье степных народов, об их антропологическом типе и т.д. Он поддерживает переписку с лидером евразийства Савицким (в архиве Савицкого, который теперь хранится в ГАРФ в Москве, есть письмо Савицкого к Хара-Давану от 24 марта 1929 года [12]. В евразийском движении он сближается с К.А.Чхеидзе, и они получают даже прозвище «азийцев» за страстную апологию нерусских народов.

Не прекращает Хара-Даван и деятельности как активист калмыцкого национального движения. В селе Мали-Мокри-Луг (пригороде Белграда) имелась самая большая в Европе колония российских калмыков [13] численностью более 400 человек (из около 1200 калмыков во всем зарубежье) [14]. Принимает активное участие в жизни общины калмыков в Югославии (и описывает ее, в пражском издании КККР в 1930 г. вышла его статья «Калмыки в Югославии»). Он становится секретарем духовно-попечительского совета по строительству буддистского храма (хурула) в Белграде, занимается сбором денег для этого по всей Европе. Храм был окончательно достроен и освящен в 1929 году (это тогда был единственный буддистский храм в центральной Европе). Н.К.Рерих прислал по этому случаю приветственное письмо и священные изображения для храма из Тибета, Монголии и Индии. Буддистская община Токио прислала медную статую Будды. При храме действовала школа, где обучали детей калмыцкому языку. Он продолжает активно публиковаться в калмыцких изданиях, в 1930-е годы вышли его программные статьи, например, «О наших национальных задачах»//Ковыльные волны, Париж, 1930 №1.

Также в 1930-е годы Хара-Даван вместе со своими земляками и донскими казаками (в годы гражданской войны калмыки воевали в казачьих кавалерийских частях) вынашивал планы переселения калмыков и казаков, живших в Югославии, в Мексику и в Техас, где на степных просторах

калмыки могли бы вести привычную им жизнь скотоводов. Для этого он вошел в состав Казачьего колонизационного комитета. Но планы эти не осуществились.

Умер Хара-Даван в 1942 году в Белграде.

Наследие Хара-Давана стало приходиться к российскому читателю лишь в годы перестройки. Причем приходиться очень избирательно. Его книга о Чингисхане была переиздана несколько раз: в Элисте в 1991 году (с послесловием Л.С.Бурчиновой), в Алма-Ате в 1992 (с предисловием Гумилева и Ермолаева), в Москве в 1996 году в составе книги «На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI в.в.» (перепечатка с алма-атинского издания), в Москве в 2002 году в составе книги «Русь монгольская. Чингисхан и монголосфера» (с предисловием Тараторина и заключительной статьей Дугина), наконец, в Москве в 2007 году (книга «Чингисхан и его наследие» с предисловием Лазарева). Другим произведениям Хара-Давана повезло меньше: в наши дни перепечатывалась лишь его статья «Евразийство с точки зрения монгола» из «Евразийской хроники» (в книге «Русь монгольская. Чингисхан и монголосфера»). Статьи из других евразийских изданий, из других русских эмигрантских газет и журналов, наконец, из калмыцких эмигрантских журналов не переиздавались и известны лишь специалистам по калмыцкой эмиграции. В итоге сложился неверный образ Хара-Давана как историка монгольского средневековья, тогда как на самом деле при всей важности для него проблемы Чингисхана, она все же для него вторична. Первичной же была борьба с европоцентризмом, реабилитация кочевых народов и их культур и дальнейшая судьба калмыцкого народа.

Хара-Даван был подлинным национальным интеллигентом. Сын батрака из калмыцкой степи, получивший образование за счет фонда поддержки детей-калмыков и пожертвований земляков и ставший интеллектуалом европейской выучки, он никогда не терял любви к своему родному народу. В нем жили гордость за его прошлое, боль за его настоящее и надежда на его лучшее будущее. Обучаясь в гимназии и университете, он внутренне протестовал против европоцентристских стереотипов, которые тогда считались самоочевидными истинами. Зная жизнь народов степи, всем сердцем любя их быт, легенды и сказания, культуру, он не мог смириться с примитивными обвинениями скотоводов-кочевников в варварстве и дико-

сти, и с отождествлением цивилизации лишь с культурами оседлых народов. А именно такие суждения он слышал и за гимназической партой, и на студенческой скамье, и именно они были теоретической основой политики русификации со стороны правительства Российской империи. Имперские власти не скрывали, что считают русский народ высшим, развитым, европейским, а кочевников-инородцев – дикарями, и потому объявляли благом для инородцев приобщение к русской культуре и, как результат, обрусение [15]. К русским демократам-кадетам Хара-Давана подтолкнул тот факт, что кадеты выступали против насильственной русификации. Лидер правых кадетов П.Б.Струве выступал за создание равных условий для культурного развития всем народам империи. Но при этом и он считал, что окончательная судьба всех нерусских народов империи (кроме финнов-суоми и поляков) – обрусение, только Струве был убежден, что нужно доказывать преимущество русской культуры, стремиться к победе русской культуры над другими в ходе честной равноправной конкуренции. Струве был либерал, а либерализм – западническая европоцентристская парадигма. Конечно, такая постановка вопроса не могла удовлетворить Хара-Давана.

Э.Д.Хара-Даван и на сторону большевиков встал, потому что те обещали прекратить русификацию и предоставить нерусским народам, в частности, калмыкам, свободу культурного развития. Никогда не был сепаратистом и не выступал за отделение Калмыкии от России (в отличие от активистов «Знамени калмыцкого народа», которые в эмиграции отстаивали идеал обособленной от России Кавказской Федерации с Калмыкией как равноправным членом). Хара-Даван не отождествлял политический и культурный суверенитет и считал, что раскрытие культурного потенциала калмыцкого народа возможно и в составе России, но при условии ее федеративного устройства. Но вскоре он обнаружил, что коммунизм, как и либерализм – западническая европоцентристская идеология, для которой кочевые народы – дикари и варвары, которых нужно цивилизовать и просвещать. Именно это, а не политические разногласия, оттолкнуло его от большевиков.

Мучительные поиски третьего пути между либерализмом и коммунизмом закончились, когда Хара-Даван открыл для себя евразийство. Как уже говорилось, решающее значение для него имели аргументы Н.С.Трубецкого из книги «Европа и человечество». Трубецкой там остроумно и убедитель-

но доказывал, что нет никаких научных рациональных оснований для того, чтоб объявлять ценности западной европейской культуры высшими и универсальными, общечеловеческими. Они не выше и не ниже ценностей других культур – российской, азиатской, африканской и т.д. Человечества не существует как единой культурной целостности, человечество – сумма локальных культур. Любые критерии, вырабатываемые в рамках одной культуры, не годятся для других. Конечно, с точки зрения европейцев европейская культура выше африканской, поскольку они прилагают к африканской культуре критерии развитости, разработанные самими европейцами. Но точно такую же операцию могут провести и африканцы, и тогда окажется, что с их точки зрения африканская культура выше европейской. Как видим, отсталость культуры – лишь результат эгоцентрического мировосприятия, присущего каждой культуре, в особенности европейской.

Каждая культура имеет свой путь развития. Таким образом, не существует и единой «столбовой» дороги общечеловеческого прогресса; у каждой культуры – свой путь прогресса и прогресс одной культуры может казаться представителям другой культуры регрессом и застоєм в силу различных критериев оценки.

П.Н.Савицкий дополнил это учение концепцией месторазвития, согласно которой каждая культура приспосабливается к той территории, на которой она возникла и развивается, к своему географическому миру. Так образуется своего рода синтез природы и культуры, причем, видов этого синтеза может быть множество [16]. Так оседлые народы приспособились к условиям леса и равнины, занимаясь там охотой и сельским хозяйством. Кочевые народы приспособились к условиям степи, где невозможно выращивать хлеб, но зато можно пасти животных и питаться их мясом и молоком. Культура и быт кочевников не хуже и не ниже культуры и быта оседлых народов, они просто иные (Савицкий охарактеризовал этот тип культуры как «конно-железную культуру») [17]. Кочевые культуры играют очень важную историческую роль, например, осуществляя торговые, культурные и политические контакты между живущими вдалеке друг от друга оседлыми народами. Большое и до сих пор недооцененное значение имеют создаваемые кочевниками государства – степные империи (вроде империи Чингисхана).

Хара-Даван в своих евразийских статьях («Евразийство с точки зрения монгола», «О кочевом быте») и особенно в книге «Чингисхан как полково-

дец и его наследие» развивал эти взгляды. В сущности, книга о Чингисхане – не столько историческое исследование, сколько попытка реабилитации образа Чингисхана в глазах европейского и русского общества, которое до сих пор подвержено «черному мифу» о предводителе монгол (хотя как мы уже говорили, книга не лишена и определенного научного значения). Не случайно, в библиографии книги нет ни одного нового источника, монгольских летописей, лишь работы русских и западных востоковедов и историков, и труды евразийцев.

Как участник евразийского движения Хара-Даван главным образом интересовался национальным вопросом. И тут его как национального интеллигента прежде всего волновали вопросы будущего калмыцкого народа (и других народов России) в условиях постсоветской евразийской России. Хара-Даван вместе с К.Чхеидзе занимал особую позицию по проблеме федеративного устройства России. Все евразийцы были сторонниками федерации и мыслили строй будущей постбольшевистской евразийской России как федеративный. Но по вопросу характера этой федерации у них были разногласия. Г.В.Вернадский и Н.Н.Алексеев считали, что федерация должна строиться по географически-экономическому принципу, то есть субъектами Евразийской Федерации, по их мнению, должны быть области без учета границ между этносами. В рамках этого проекта предполагалась постепенная ликвидация союзных и автономных республик и национальных округов СССР по мере того, как сепаратистские настроения времен гражданской войны (которые их собственно и породили) пойдут на убыль в результате совместной жизни в одной федерации и действия евразийской пропаганды. Лидеры движения – П.Н.Савицкий и Н.С.Трубецкой – занимали иную, более гибкую позицию. Они также предлагали сделать субъектами федерации географически-экономические области, но внутри них хотели учредить самоуправляющиеся автономные единицы, совпадающие с тем или иным этносом. Как отмечает Ч.Г.Сангаджиев, это были бы «национальные республики без территориального суверенитета» [18]. Наконец, еще более мягкой была позиция нерусских членов евразийского движения, «азийцев» Чхеидзе и Хара-Давана. Они выступали за сохранение советской модели этнофедерализма с ликвидацией не национально-территориальных, а наоборот, административно-территориальных образований (возможно, с преобразованием центральных областей в Русскую республику)

и за более мягкий принцип объединения республик, который был ближе к конфедерации, чем к федерации.

Более полно взгляды Хара-Давана по национальному вопросу изложены в одноименной статье, которая была опубликована в 1932 году в парижском журнале «Утверждения» (№1). В ней автор утверждает, что национальный вопрос представляет собой главный вопрос политической истории. По сути, вся она сводится к борьбе наций друг с другом. История есть борьба наций, а не борьба классов, как считает марксизм, или борьба рас как считает национал-социализм. Причем, нации Хара-Даван понимает примордиалистски и отождествляет их с этносами, не видя принципиальной разницы между этносами древности и средневековья, и новоевропейскими, и современными нациями (впрочем, в 1932 году, когда была написана статья, это было повсеместное убеждение). В национальном бытии для него гораздо важнее признак культуры, чем признак «крови», расовые и антропологические отличия он объясняет рационально, через влияние климата и географии.

В результате борьбы народов образовались большие империи, где нации более сильные подчинили себе и угнетают нации более слабые (Османская империя, Австро-Венгерская империя, Британская империя, наконец, Российская империя). Целью таких имперских наций по Хара-Давану была полная ассимиляция включенных в орбиту имперского строительства народов. Но действие породило противодействие, угнетение слабых наций со стороны сильных привело к тому, что слабые нации объединили свои усилия и свергли имперское иго. Начало XX века стало эпохой разрушения империй и доминирования национальных государств. Распались Австро-Венгерская, Османская империи, закачалась Британская империя. Российская империя оказалась на полпути к распаду, отдельные ее народы обрели свои национальные государства в годы гражданской войны, но государства эти, войдя в СССР, фактически утратили свой суверенитет.

Однако история народов развивается по Хара-Давану согласно формуле гегелевской триады. Эпоха старых империй была тезисом, эпоха национальных государств стала антитезисом, но теперь наступает время синтеза. Таким синтезом станет эпоха государств-федераций или конфедераций, свободных взаимовыгодных союзов национальных государств, образовавшихся после распада империй, но продолжающих сохранять культурные и экономические связи. Такие межгосударственные союзы имеют все досто-

инства империй (выгоды от объединения в сфере безопасности, внутренней политики, экономики), но лишены их недостатков (диктат одной нации над другими). СССР Хара-Даван считал неким промежуточным образованием, напоминающим и империю классического типа, и федерацию национальных государств и мечтал о преобразовании его в такой союз («Соединенные штаты России»). Основой такого союза народов должна по Хара-Давану стать общая идея.

Как видим, проект трансформации СССР в этнофедерацию или даже этноконфедерацию, который отстаивал Хара-Даван, полемизируя с другими евразийцами, имел своей базой у калмыцкого евразийца своеобразную историософскую концепцию.

Конечно, по прошествии 80 лет взгляды Хара-Давана по национальному вопросу представляются уязвимыми для критики. Так, современные этнологи-конструктивисты, при всей сомнительности их радикальных выводов, все же доказали, что есть качественное отличие между этносами средневековья и нациями Нового времени. Среди философов культуры (пример – Джоффри Хоскинг) является общим местом различие империй восточного типа, где власть принадлежит не представителям одной нации, а правящей элите, куда инкорпорируются представители разных народов по идеологическим признакам, и империй западного типа, где действительно осуществлялась эксплуатация по национальному признаку. В этом смысле Османская да и Российская империя вовсе не империи соответственно турецкого и русского народов, в элите Османской империи мы видим немало принявших ислам славян и греков, в элите Российской империи – грузин, обрусевших татар, армян и т.д.

Но при всем при том работы Хара-Давана по национальному вопросу не утратили актуальности и определенного научного значения до сих пор и способны помочь нам в осмыслении соответствующих современных проблем.

Литература

1. Е.С.Лазарев. Харизматическое бремя полярного мифа//Чингисхан и его наследие М., 2008.
2. Л.С.Бурчинова. Послесловие//Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста, 1991. –С.-С. 213-214.

3. С.Малышева. Евразиец Хара-Даван. Казанская страничка http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1996_1_2/06/3/.
4. Очиров У.Б. Калмыкия в период революции и Гражданской войны: 1917-1920 гг. – Элиста 2006.
5. Э.Баир-Гучинова. Улица Kamuk Road. История, культура, идентичность калмыцкой общины США // http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/knigi/kalmuk_roa.html.
6. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории; Г.В.Вернадский. Евразийское начертание русской истории.
7. Хара-Даван. Предисловие к книге о Чингисхане.
8. Земляной С. Цветок в букете НГ-exlibris №15 (235) от 25.04.2002 http://exlibris.ng.ru/history/2002-04-25/5_bouquet.html.
9. <http://gumilevica.kulichki.net/LSB/lb1080.htm>.
10. Рерих Н.К. Дары Востока (Листки дневника) Т. 1// <http://lib.icr.su/node/532>.
11. Яцковская К.Н. Живое наследие // <http://grani.agni-age.net/articles6/yatskovskaya.htm>.
12. ГАРФ, ф.5783 (Савицкий П.Н.). оп. 1, ед. хр. 364, л. 196.
13. Арсеньев А. Жизнь русских эмигрантов в Сербии <http://www.newreviewinc.com/?q=node/32>.
14. Баир-Гучинова Э. Улица Kamuk Road. История, культура, идентичность калмыцкой общины США // http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/knigi/kalmuk_roa.html.
15. Доклад министра народного просвещения Д.А.Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870 г.), легший в основу политики министерства просвещения, где говорится, что обучение на национальных языках должно вестись только до тех пор, пока инородцы не овладеют русским языком // <http://www.detskiysad.ru/raznlit/istped012.html>.
16. Савицкий П.Н. Россия – особый географический мир. – Прага, 1927.
17. Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?). – Прага: Евразийское книгоиздательство, 1928.
18. Сагаджиев Ч. Проблема целостности России в воззрениях эмигрантов-евразийцев (1921-1938). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ставрополь, 2009. – С. 30.